

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-52-62

Феномен Ч.Т. Айтматова: к 90-летию со дня рождения писателя

А.И. Смирнова

Московский городской педагогический университет
Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1

Исследуется феномен художественного мира писателя, уникальность которого обусловлена особой авторской оптикой, проявляющейся в мифопоэтическом и философском постижении жизни, в «новом» мышлении, в создании целостного национального образа мира, в «языковом космосе» писателя-билингва.

На материале текстов произведений «Белый пароход», «И дольше века длится день», «Плаха», «Когда падают горы (Вечная невеста)» и др. анализируются поэтика заглавия, пространственные локусы и образы животных, функция мотивов, семантика круга, специфика поэтического языка. Жажда творчества как потребность «художественного восприятия жизни» рассматривается в статье в двух основных аспектах, сформулированных самим Айтматовым как ответственность художника слова перед будущим: «познание бесконечной красоты и бесконечной противоречивости мира». Результаты анализа текстов соотносятся в статье с творческими принципами автора, что позволило определить феномен художественного мира писателя-билингва как выход на «новый уровень сознания» (Ч.Т. Айтматов «Языковой космос»).

Ключевые слова: Айтматов, феномен, художественный мир, роман, семантика, поэтика, билингвизм, поэтический язык

1. Введение

Размышляя об ответственности литератора перед будущим, Ч.Т. Айтматов определил жажду творчества как «неумную потребность художественного восприятия жизни», смыслом которого является «познание бесконечной красоты и бесконечной противоречивости мира» [1. С. 351]. Так, достаточно рано, в 1967 году, писатель сформулировал свое творческое кредо. Целостность художественного мира Айтматова формируется благодаря особой оптике — поэтическому восприятию мира, присущему всем произведениям автора. Эта особая оптика проявляется в создании национальной картины мира, в особой функции тюркоязычной лексики в «русских» произведениях писателя. По его признанию, «только родное слово, познанное и постигнутое в детстве, может напоить душу поэзией, рожденной опытом народа, пробудить в человеке первые истоки национальной гордости, доставить эстетическое наслаждение многозначностью языка предков» [1. С. 284].

2. Обсуждение

Можно говорить об особом, эстетическом эффекте воздействия на читателей заглавий айтматовских произведений: «Джамиля», «Тополек мой в красной ко-

сынке», «Верблюжий глаз», «Прощай, Гульсары!», «Ранние журавли», «Пегий пес, бегущий краем моря», «И дольше века длится день» и др. История заглавия романа «И дольше века длится день» (1980) вызывает интерес не только с точки зрения поэтической интонации (в название вынесена строка из сонета В. Шекспира в переводе Б. Пастернака), но и возможными его вариантами. Поначалу по замыслу писателя роман должен был называться «Обруч» (от образа «шири» и обруча из ракет вокруг Земли для «защиты» от нежелательных связей с инопланетной цивилизацией), однако по требованиям цензуры Айтматов вынужден был от него отказаться и заменить на «И дольше века длится день». После первой публикации романа в журнале «Новый мир» (1980, № 10—11) отдельные издания (в «Роман-газете» и в издательстве «Молодая гвардия») вышли под «упрощенным» названием «Буранный полустанок». В трехтомном «Собрании сочинений» Ч.Т. Айтматова текст увидел свет под «двойным» названием: «И дольше века длится день» («Буранный полустанок») [2]. Уже в 1990 году, когда появилась возможность опубликовать роман с новыми главами — повестью «Белое облако Чингисхана», интегрированной в романский текст, произведение вышло в полном составе под названием «И дольше века длится день» с сопроводительным подзаголовком в скобках «Белое облако Чингисхана», который, по словам автора, со временем должен исчерпать свое предназначение [3]. Несмотря на все трансформации, поэтика заглавия романа «И дольше века длится день» свидетельствует, что первостепенной задачей для автора стало стремление запечатлеть извечную и «бесконечную красоту мира», противопоставив ее злободневности проблематики и человеческой беспамятности.

С заглавием романа связан и его эпиграф из «Книги скорбных песнопений» армянского поэта X века: «И книга эта — вместо тела / И слово это — вместо души моей...» (Григор Нарекаци, «Книга скорби») [2. С. 200], и его рефрен, написанный ритмизованной прозой и выделенный в тексте графически, повторяющийся с определенной периодичностью:

Поезда в этих краях шли с востока на запад и с запада на восток... А по сторонам от железной дороги в этих краях лежали великие и пустынные пространства — Сары Озеки... А поезда шли с востока на запад и с запада на восток... [2. С. 203].

Музыкальный тон, заданный заглавием, «звучит» в эпиграфе к роману и сохраняется благодаря рефрену на протяжении всего романа. Многозначный рефрен выполняет в тексте структурообразующую функцию, связывая воедино разновременные сюжетные линии, включая легенды и фантастическое повествование. Сама форма рефрена и его функция напоминают о древней эпической традиции тюркоязычных народов: сказители в процессе импровизации нередко вводили поэтические сентенции, не связанные с общим контекстом.

«Познание бесконечной красоты мира» является постоянной величиной в художественном мире Айтматова и воплощается в великих творениях природы: *великая Сары-Озекская степь, великие, безбрежные пространства сарозеков* («И дольше века длится день»); *великая волчица, великая мать всего сущего, великая саванна* («Плаха»). Природные творения исполнены гармонии, величия и красоты.

...Воздух был первозданной чистоты, другой такой девственный мир найти было трудно... [2. С. 264].

Есть своя красота в степных ночах в летнюю пору. Тишина безмерная, исходящая от величия земли и неба, теплынь, напоенная дыханием многих трав, и самое волнующее зрелище — мерцающая луна, звезды во всей их неисчислимости, и ни пылинки в пространстве между взором и звездой, и такая там чистота, что прежде всего туда, в глубину этого загадочного мира, уходит мысль человека в те редкие минуты, когда он отвлекается от житейских дел» [4. С. 109] («Плаха»).

Степь — ключевой поэтический образ художественного мира писателя, «Киргизский Космос» [5. С. 265] по выражению Г.Д. Гачева.

Животные у Айтматова символизируют природу: мать-олениха («Белый пароход»), конь Гульсары («Прощай, Гульсары!»), верблюды Каранар («И дольше века длится день»), киты («Тавро Кассандры»), волчица Акбара («Плаха»), снежный барс («Когда падают горы...»). Они формируют не только взгляд на окружающий мир, этическое отношение к нему, но и эстетическое восприятие мира, как и в целом природа. Красота — неотъемлемое свойство удивительных, исключительных созданий природы: Буранный Каранар — «самый красивый верблюд на свете» [2. С. 267]. Золотой мекре — «могучая и красивая рыба» [2. С. 399].

Н.А. Шогенцукова, характеризуя онтологический подход, обращает внимание на необходимость осмысления и расшифровки заложенных в тексте мифосимволов и мифометафор [6]. Мифологическая традиция истолкования волка представлена в «Плахе» в образе голубоглазой волчицы Акбара — «великой матери всего сущего» [4. С. 112]. «Мифология природы» (Вл. Соловьёв) в творчестве Айтматова наиболее последовательно воплощается в мысли о генетической связи животного и человека, составляющих нерасчленимое единство. По словам Г.Д. Гачева, в романе «И дольше века длится день» «два главных персонажа, точнее, сдвоенный, как кентавр, Человеко-Верблюд...» [7. С. 280]. Каранар для семьи Едигея, чьи предки были кочевниками, значит намного больше, чем обычное домашнее животное. Хотя Едигей и является хозяином верблюда, но по свойствам, данным ему природой («верблюды-сырттан» — «сверхсущество», «знаменитость округа» [2. С. 265]), по занимаемому месту в жизни Едигея Каранар превосходит человека. И в этом восприятии верблюда проявляется коренное свойство мышления бывшего кочевника, который видит в нем космическое животное. «Он есть образ мира, внутри которого живет кочевник» [8. С. 62]. Каранар имеет свою «родословную»: он является потомком белоголовой верблюдицы Акмаи. У Акбары в романе «Плаха» есть своя богиня — Бюри-Ана, к ней обращается волчица с мольбой разделить ее материнское горе и утешить:

...Возьми меня, сирую волчицу... к себе. И буду я жить на луне, жить с тобой и плакать о земле. О, Бюри-Ана-а-а, слышишь ли ты меня? Услышь, услышь, услышь меня, Бюри-Ана, услышь мой плач! [4. С. 259].

Антропоморфизм в изображении исключительных животных позволяет автору противопоставить их современному человеку, утратившему духовно-этические опоры — связь с предками, веру в Бога, основополагающие нравственные заповеди. Так, в повести «Белый пароход» (1970) внук деда Момуна спрашивает у заезжего шофера, знает ли он имена семерых своих предков. Выясняется, «что он

не только не знает, откуда его род начинается, но даже и обязательного колена семерых отцов не знает» [2. С. 76–77]. А на вопрос о том, почему испортятся люди, не помнящие своих отцов, мальчик отвечает: «Дед говорит, что тогда никто не будет стыдиться плохих дел, потому что дети и дети детей о нем не будут помнить» [2. С. 77]. Беспамятство как утрата традиций осмысливается писателем и в последующих произведениях.

В романе «И дольше века длится день» в легенде о манкурте в сцене гибели Найман-Аны от руки сына возникает тот же мотив преемственной связи со своим родом: белый платок, упавший с ее головы, превращается в птицу, летящую с криком:

Вспомни, чей ты? Чей ты? Как твое имя? Имя? Твой отец Доненбай! Доненбай! Доненбай! [2. С. 318].

В творчестве Айтматова этот мотив связан с идеей, афористически выраженной когда-то еще Шекспиром: «порвалась связь времен». В романе «Тавро Кассандры» эта идея воплощается в отсутствии связи с родом в биографии Андрея Крыльцова, подкидыша, человека «без рода, без племени» [9. С. 245]. Мотив связи с родом в произведениях писателя позволяет реализоваться оппозиции память/беспамятство. Размышляя о будущем человечества и всей цивилизации, писатель осознает трагические последствия беспамятства:

Беспамятство — корень всех зол, обрушившихся на человечество в лице тоталитарных режимов [10. С. 75].

В романе «И дольше века длится день» и в последующих романах Айтматова проявляется новое свойство художественного восприятия мира — космизм мышления автора. «Космический масштаб событий» [11. С. 69] определил хронотоп и поэтику романов «Плаха», «Тавро Кассандры», «Когда падают горы (Вечная невеста)».

Стремление проникнуть в тайну «бесконечной противоречивости мира» реализуется в романе «Плаха» (1986), первоначально назвать который Айтматов хотел «Круговращение» [12. С. 304]. Онтологический смысл несостоявшегося названия романа прочитывается в грузинской балладе «Шестеро и седьмой», вошедшей в текст произведения. В ней повествуется о том, что исполнение «песен отцов», песен родной земли объединяет в общий круг «семерых, вернее, шестерых и седьмого»: «В устах тех семерых от одной песни рождалась другая и они не замыкали круга, но седьмой, Сандро, время от времени покидал круг...» [4. С. 72]. Чекиста Сандро разделяют с остальными разные политические убеждения. Он должен не дать покинуть родину шестерым и убить их.

И так и еще раз в порочной *круговерти* убиений, и еще раз за пролитую кровь кровь пролил. Да, законы человеческих отношений не поддаются математическим исчислениям, и в этом смысле Земля *вращается*, как *карусель кровавых драм*... Так неужто карусели этой дано кружить до самого скончания света, пока вращается Земля вокруг Светила? (Выделено нами. — А.С.)» [4. С. 72].

Однако, совершив убийство, Сандро не разомкнул круга, из которого то и дело выходил. Он не смог разорвать генетическую связь с единоверцами, с родной

землей, связь, в основе которой лежит голос крови, пробудившийся под воздействием «прощального песнопения», Сандро убивает и себя. Баллада запечатлела трагическое противоречие исторического пути человечества в XX веке.

В романе философски осмысливается миропорядок. Автор показывает, что существующие в истории человечества противоречия неразрешимы и трагичны. И объясняются они несовершенством человеческой природы, в которой одновременно сосуществуют «две противоположные силы — силы добра и силы зла» [4. С. 109]. Рисуя жизнь саванны, писатель не идеализирует природу, стремится познать и с учетом природных законов объяснить кажущиеся противоречия. В природе одна кровь дает жизнь другой крови — «так повелено началом всех начал, иного способа не будет, и тут никто не судия, поскольку нет ни правых, ни виноватых, виновен только тот, кто сотворил одну кровь для другой» [4. С. 29]. По Айтматову, природный мир основан на «изначальном равновесии» [4. С. 215].

В «Плахе» семантика круга отличается поливариативностью и заключает в себе универсальный смысл. Круговое движение символизирует в тексте нерасчленимость, замкнутость, безысходность происходящего как цепь трагических событий. Пожалуй, «ни у одного из современных прозаиков так часто не возникают мотивы, связанные с идеей кругового движения, окружения, замыкания, возврата» [13. С. 54].

Все происходящее в романе вписывается в природный круговорот, составляя «целесообразность оборота жизни». В «Плахе» понятия «круговорот жизни» и «круговращение времени» взаимосвязаны. Представление о круговращении времени соотносится с осознанием того, что «всему свое время», с осмыслением начала и конца жизни. Писатель, размышляя над «ценой жизни», употребляет понятие «круговорот жизни», пребывание в нем вызывает ощущение трагичности, «когда все приходит и все уходит, вновь приходит и вновь уходит» [14]. В романе «Плаха» возобновляется та же мысль: после разговора со смертельно больной женой Бостон приходит на берег Иссык-Куля:

Ему хотелось плакать, хотелось исчезнуть в Иссык-Куле — хотелось и не хотелось жить... Вот как эти буруны — волна вскипает, исчезает и снова возрождается сама из себя... [4. С. 270].

Заканчивается произведение этими же словами.

Круг как геометрическая фигура проявляется и в художественной структуре романа, основу которой составила «система замкнутых и одновременно пересекающихся друг с другом, вписанных друг в друга “кругов”» [13. С. 54]. «Плаха» имеет «круговое, симфоническое строение» [13. С. 55].

Сокровенный смысл произведений Айтматова зачастую выражается в молениях, молитвах, песнопениях, представляющих собой одухотворенные и поэтически возвышенные фрагменты текста, позволяющие автору воплотить свой эстетический идеал. Возглавляющий на своем Каранаре похоронную процессию, Буранный Едигей по дороге к кладбищу Ана-Бейит вспоминает полузабытые молитвы, слова которых, обращенные к Богу, неизменны.

Но слова эти, отшлифованные тысячелетиями, как слитки золота, которые обязан произнести живой над мертвым. Таков обряд [2. С. 275].

Центральное место в композиции романа «Плаха» занимает «удивительная молитва одной современной монахини», принявшей постриг во время войны после гибели возлюбленного, с которым она прожила всего лишь полтора месяца. Он погиб на военном корабле, потопленном германской подлодкой.

Ты, Сострадающий, Благословенный, Правый, прости меня, что досаждаю тебе обращениями неотступными... Прошу лишь об одном, яви такое чудо: пусть тот корабль плывет все тем же курсом прежним изо дня в день, из ночи в ночь, покуда день и ночь сменяются определенным Тобою чередом в космическом вращении Земли... И пусть корабль держит путь во светлый град на дальнем океанском берегу, хотя пристать к нему во веки не дано... [4. С. 172].

Монахиня молит Вездесущего и Сострадающего о том, чтобы тот корабль продолжал плыть по океану и после ее смерти, когда некому будет просить об этом, «и за пределом вечности». Так в романе Айтматова в словах молитвы закреплён новый, космический масштаб событий, характерный для поздней прозы писателя.

Основную часть текста притчи «Плач перелетной птицы» о событиях XVII века составила молитва матери троих детей, Кертолго-зайип, обращенная к природным силам — озеру Иссык-Куль и небесному богу Тенгри:

О Иссык-Куль, ты око земли, ты всегда смотришь в небо. Обращаюсь к тебе — вечный, незамерзающий Иссык-Куль, чтобы стала известна мольба моя богу Неба — вершителю судеб — Тенгри, когда он глянет сверху в твои глубины.

О Тенгри, в час грозный и опасный дай нам силу устоять перед врагом ойратским. Сохрани наш шестиколенный киргизский народ... Будь справедлив — не откажи нам в победе в битве открытой [1. С. 95–96].

Женщина просит Тенгри сохранить жизнь соплеменникам, молит о том, чтобы судьба была милостива к ее заболевшему мужу, к детям, чтобы «дано ей было нянчить внуков». Слова молитвы матери и жены исполнены красоты, в них соединяются боль за родную землю и забота о близких, вера в неистребимость добра и продолжение рода.

Исследователь Е.А. Мироненко в связи с финалом романа «Когда падают горы (Вечная невеста)» пишет, что молитву у Айтматова заменили проклятья: «Если молитва в авторском контексте... является созидающим словом, то проклятие для писателя — это антимолитва, антислово, разрушающее мир» [15. С. 327].

Феномен художественного мира Ч.Т. Айтматова определяется авторской оптикой, реализующейся в поэтическом языке, и объясняется билингвальной природой его творчества: классик киргизской литературы, он принадлежит и русской литературе как известный писатель, получивший мировое признание. По словам Айтматова, для него «русский язык в не меньшей степени родной, чем киргизский, родной с детства, родной на всю жизнь» [1. С. 284]. Как считают ученые, у многоязычных писателей, владеющих несколькими языками с раннего детства, «обращение к другой языковой системе не только не исключено, но чрезвычайно распространено. Можно даже с уверенностью утверждать, что подобное обращение к другим языкам в процессе письма становится замечательным источником лингвистической креативности» [16. С. 16].

Создавая тексты на русском языке, Айтматов постоянно обращается к родной языковой стихии. Автор использует тюркоязычную ономастику — антропонимы, зоонимы, топонимы, гидронимы. Вкрапленные в русскоязычный текст онимы как кумулятивные знаки, содержащие духовную и материальную информацию, формируют этнокультурное пространство художественного текста. Так, жену Едигея зовут Укубала, что переводится на русский язык как «дитя кукушки». Ее степень близости природе определяется «талгаком», заветным желанием во время первой беременности, которое должно быть удовлетворено. «Ей приснился во сне золотой мекре... Ей очень хотелось поймать ту рыбу, а затем отпустить» [2. С. 393—394]. В том же тексте автором объясняется имя Жоломан, «образованное от двух слов: “жол” — путь, “аман” — здоровье, по смыслу — будь здоров в пути».

В текстах Айтматова кроме многочисленных тюркоязычных антропонимов представлены и зоонимы — имена животных: конь Гульсары, верблюд Каранар, пес Жолбарс, волки Акбара и Ташчайнар и др. В повести «Прощай, Гульсары!» имя «старого иноходца» Гульсары переводится как «желтый цветок, лютик» [17. С. 375]. В тексте «Плахи» имя волка Ташчайнар переводится как «камнедробитель». В романе «И дольше века длится день» представлен перевод на русский язык упоминаемых Едигеем зоонимов: «Арстан, жолбарс, борибосар — лев, тигр, волкодав» [2. С. 249].

Каранар, как и Едигей, является главным героем романа, их объединяет и общее «второе» имя: Боранлы-Буранный. Именно поэтому образ верблюда находит в произведении развернутое воплощение. Мифопоэтический подтекст образа выявляется благодаря тюркоязычной лексике в описании верблюда. По словам Казангапа, «есть такой закон, дедами еще сказанный: мал иесикудайдан» («хозяин скотины от бога») [2. С. 268]. «Едигей был потрясен неукротимой, неменяемой устремленностью атана к счастью и понимал, что лишает его этого счастья, но другого выхода не было» [2. С. 420]. Восприятие мира через животное (верблюда) раскрывается в сцене возвращения Едигея с детьми после дождя; он обращается к Укубале: «Когда атан пьянеет, он играет со своими тайлаками». Автор дает перевод слова «тайлак»: «детеныш верблюда. Когда атан, самец, пьянеет, он играет со своими детенышами» [2. С. 323]. В данном случае сама эта деталь, как и иноязычная лексика, позволяют выразить свойство мышления кочевника. Приведем еще один пример из того же романа:

И тогда сказала она, глядя на сына-манкурта, свое знаменитое прискорбное слово о солнце, о боге, о себе...

И тогда она начала свой плач, который и поныне вспоминают знающие люди:
— Мен ботасы олгенбоз мая,
Тулыбын келип искеген...

Это переводится в тексте как «Я сирая верблюдица, пришедшая вдохнуть запах шкуры верблюжонка, набитого соломой» [2. С. 340].

Айтматов обращается к родному языку в тех случаях, когда речь заходит о национальных обычаях, ритуалах, традициях. Едигей, говоря о Каранаре, возражает Казангапу: «Сам знаешь, не случайно сказано исстари: “Кюш атасын танымайды”. Пришла его пора», что переводится на русский язык как «Сила отца не

признает» [2. С. 313]. А когда военные не пропускают Едигея на родовое кладбище Ана-Бейит (Материнский упокой), он обращается к лейтенанту Тансыкбаеву на казахском языке: «Биз, бизгой, карагым. Ана-Бейитке желтпей турып калдык. Калай да болса, жардамдеш, карагым» (перевод: «Мы, это мы, сынок. Не пропускают нас на кладбище. Сделай что-нибудь, помоги нам, сынок») [2. С. 468]. Но родной язык в общении с «беспмятным» Тансыкбаевым, пожелавшим говорить со стариком на русском языке, не помог Едигею. Национальные традиции — корневая система любого этноса, именно поэтому писатель предостерегает против их забвения и утраты.

3. Выводы

Айтматов с помощью иноязычной лексики — экзотизмов, придающих особый колорит тексту и обогащающих его, а также метатекста (эпиграфов, подзаголовков, множества постраничных сносок, в которых дан перевод с киргизского на русский язык) выстраивает свою модель мира, основание которой составляют национальные традиции и культура этноса.

В статье «Языковой космос» Айтматов выражает свое отношение к билингвизму как явлению общечеловеческой культуры, подчеркивая, что «билингвизм стыкует разные языки и, стало быть, разные формы мышления, и стало быть, разные мироощущения и создает “новый уровень сознания”» (Выделено нами. — А.С.) [18. С. 184].

Феномен Ч.Т. Айтматова состоит в том, что ему удалось осмыслить актуальные социальные проблемы в контексте «большого времени», раскрыть «бесконечную красоту и бесконечную противоречивость мира» в его национальном выражении, и в поиске единых «кодов» развития всей земной цивилизации выйти на новый — планетарный — уровень сознания.

Список литературы

1. *Айтматов Ч.Т.* Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. Рассказы. Очерки. Публицистика. М.: Молодая гвардия, 1984.
2. *Айтматов Ч.Т.* Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. Повести. Роман. М.: Молодая гвардия, 1983.
3. *Айтматов Ч.Т.* Вся правда, девять лет спустя. URL: http://lib.ru/PROZA/AJTMATOW/aitm_white.txt
4. *Айтматов Ч.Т.* Плаха: роман. М.: Молодая гвардия, 1987.
5. *Гачев Г.Д.* Ментальности народов мира. М.: Алгоритм; Эксмо, 2008.
6. *Шогенцукова Н.А.* Опыт онтологической поэтики. М.: Наследие, 1995.
7. *Гачев Г.Д.* Чингиз Айтматов и мировая литература. Фрунзе: Кыргызстан, 1982.
8. *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. М.: Советский писатель, 1988.
9. *Айтматов Ч.Т.* Тавро Кассандры: Роман, повести. СПб.: Азбука-классика, 2007.
10. *Айтматов Ч., Дайсаку Икеда.* Ода величию духа // Диалоги. М.: Изд-во МГУ, 2012.
11. *Смирнова А.И.* Натурфилософская концепция в романах Ч. Айтматова 1980-х годов: трагизм познания добра и зла. М.: Флинта; Наука, 2009.
12. *Айтматов Ч.Т.* Статьи, выступления, диалоги, интервью. М.: Агентство печати «Новости», 1989.
13. *Пискунов В., Пискунова С.* Выйти из круга // Литературное обозрение. 1987. № 2. С. 234–246.

14. *Айтматов Ч.Т.* Цена жизни // Литературная газета. 1986. 13 августа.
15. *Мироненко Е.А.* Мифопоэтическое слово в прозе Чингиза Айтматова // Русское слово в культурном и социальном аспекте: сб. науч. ст. Кемерово: Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств, 2010. Т. 1.
16. *Анохина О.Д., Великанова Н.П.* Мультилингвизм в процессе творческого письма // Мультилингвизм и генезис текста. Материалы международного симпозиума. 3—5 октября 2007. М.: ИМЛИ РАН, 2010.
17. *Айтматов Ч.Т.* Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. Повести / предисл. Н. Потапова. М.: Молодая гвардия, 1982.
18. *Айтматов Ч.Т.* В соавторстве с землей и водою...: очерки, статьи, беседы, интервью. 2-е изд. Фрунзе: Кыргызстан, 1979.

© Смирнова А.И., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 22.10.2018

Дата принятия к печати: 09.12.2018

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Смирнова А.И. Феномен Ч.Т. Айтматова: к 90-летию со дня рождения писателя // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 1. С. 52—62. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-52-62

Сведения об авторе:

Смирнова Альфия Исламовна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета. E-mail: alfia-smirnova@yandex.ru

The Phenomenon of C.T. Aitmatov: To the 90th Birthday of the Writer

A.I. Smirnova

Moscow City Pedagogical University
4, building 1, 2nd Agricultural passage, Moscow, 129226, Russian Federation

The purpose of the article dedicated to the 90th anniversary of Chinghiz Aitmatov's birth is the study of the phenomenon of the writer's artistic world, the uniqueness of which is due to a special author's vision, manifested in the mythopoetic and philosophical understanding of life, in the "new" type of literary thinking, in creating a holistic national image of the world, in the "linguistic cosmos" of the bilingual author. On the material of the texts "The White Sheamboat", "The Day Lasts More Than a Hundred Years", "Scaffold", "When the Mountains Fall (Eternal Bride)" and others, the poetics of the title, spatial loci and images of animals, the function of motives, the semantics of the

circle, the specific character of poetic language are analyzed. The thirst for creativity as the need for “artistic perception of life” is considered in the article in two main aspects, formulated by Aitmatov himself as the Artist’s responsibility before the future: “knowledge of infinite beauty and infinite contradiction of the world”. The results of the text analysis are correlated in the article with the creative principles of the author, which made it possible to define the phenomenon of the artistic world of the bilingual writer as an achieving a “new level of consciousness” (Chinghiz Aitmatov’s “Linguistic Cosmos”).

Key words: Aitmatov, phenomenon, artistic world, novel, semantics, poetics, bilingualism, poetic language

References

1. Aitmatov, Ch.T. 1984. *Sobranie sochinenii: v 3 t. T. 3. Rasskazy. Ocherki. Publitsistika* [Collected Works]. Moscow: Molodaya gvardiya. Print. (In Russ.)
2. Aitmatov, Ch.T. 1983. *Sobranie sochinenii: v 3 t. T. 2. Povesti. Roman* [Collected Works. Vol. 2]. Moscow: Molodaya gvardiya. Print. (In Russ.)
3. Aitmatov, Ch.T. *Vsyapravda, devyat' let spustya*. Web. URL: http://lib.ru/PROZA/AJTMATOW/aitm_white.txt
4. Aitmatov, Ch.T. 1987. *Plakha: Roman* [Scaffold]. Moscow: Molodaya gvardiya. Print. (In Russ.)
5. Gachev, G.D. 2008. *Mental'nosti narodov mira* [Mentality of the Peoples of the World]. Moscow: Algoritm, Eksmo. Print. (In Russ.)
6. Shogentsukova, N.A. 1995. *Opyt ontologicheskoi poetiki* [The Experience of Ontological Poetics]. Moscow: Nasledie. Print. (In Russ.)
7. Gachev, G.D. 1982. *Chingiz Aitmatov i mirovaya literature* [Chingiz Aitmatov and the World Literature]. Frunze: Kyrgyzstan. Print. (In Russ.)
8. Gachev, G.D. 1988. *Natsional'nye obrazy mira* [National Images of the World]. Moscow: Sovetskii pisatel'. Print. (In Russ.)
9. Aitmatov, Ch.T. 2007. *Tavro Kassandry: Roman, povesti* [Cassandra's Mark]. St. Petersburg: Azbuka-klassika. Print. (In Russ.)
10. Aitmatov, Ch., and Daisaku Ikeda. 2012. *Oda velichiyu dukha. Dialogi* [Ode to the Majesty of the Spirit. Dialogues]. Moscow: Izd-vo MGU. Print. (In Russ.)
11. Smirnova, A.I. 2009. *Naturfilosofskaya kontseptsiya v romanakh Ch. Aitmatova 1980-kh godov: tragizm poznaniya dobra i zla* [Natural philosophical Concept in the Novels of C. Aitmatov in the 1980s: the Tragedy of the Knowledge of Good and Evil]. Moscow: Flinta; Nauka. Print. (In Russ.)
12. Aitmatov, Ch.T. 1989. *Stat'i, vystupleniya, dialogi, interv'yuy* [Essays, Speeches, Dialogues, Interviews]. Moscow: Agentstvo pechati «Novosti». Print. (In Russ.)
13. Piskunov, V., and S. Piskunova. 1987. “Vyiti iz kruga” [Out of the Circle]. *Literaturnoe obozrenie*. 2: 234–246. Print. (In Russ.)
14. Aitmatov, Ch.T. 1986. “Tsena zhizni” [The Price of Life]. *Literaturnaya gazeta*. 13 avgusta (Aug. 13).
15. Mironenko, E.A. 2010. “Mifopoeticheskoe slovo v proze Chingiza Aitmatova” [Mythopoetic Word in Prose of Ch. Aitmatov] in *Russkoi slovo v kul'turnom isotsial'nom aspekte: sb. nauch. st.* Kemerovo: Kemerov. Gos. Un-t kul'turyiiskusstv. Print. (In Russ.)
16. Anokhina, O.D., and N.P. Velikanova. 2007. “Mul'tilingvizm v protsesse tvorcheskogo pis'ma” [Multilingualism in the Process of Literary Writing] in *Mul'tilingvizm i genesis teksta. Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma*. Oct., 5–7, 2007. Moscow: IMLI RAN. Print. (In Russ.)
17. Aitmatov, Ch.T. 1984. *Sobranie sochinenii: v 3 t. T. 1.* [Collected Works. Vol. 1]. Moscow: Molodaya gvardiya. Print. (In Russ.)
18. Aitmatov, Ch.T. 1979. *V soavtorstve s zemleyu i vodoyu...: Ocherki, stat'i, besedy, interv'yuy* [In Consonance with the Land and Water...: Essays, Articles, Conversations, Interviews]. Frunze: Kyrgyzstan. Print. (In Russ.)

Article history:

Received: 22.10.2018

Accepted: 09.12.2018

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Smirnova, A.I. 2019. “The Phenomenon of C.T. Aitmatov: To the 90th Birthday of the Writer”. Polylinguality and Transcultural Practices, 16 (1), 52—62. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-52-62

Bio note:

Alfia I. Smirnova is a Doctor in Philology, professor, Head of the Department of Russian Literature at the Institute of Humanities, Moscow City Pedagogical University. E-mail: alfia-smirnova@yandex.ru